

ОТЗЫВ **официального оппонента**

**о диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук
Васильевой Татьяны Андреевны на тему «Косвенный иск в цивилистиче-
ском процессе: сравнительно-правовое исследование» по специальности
12.00.15 – гражданский процесс; арбитражный процесс**

Актуальность избранной темы является несомненной, что обусловлено несколькими причинами. Во-первых, отечественное коммерческое корпоративное законодательство продолжает свою трансформацию в контексте повышения эффективности взаимодействия юридического лица и его участников, что прямо регулируется ГК РФ и корреспондирующими федеральными законами. Во-вторых, это требует постоянного внимания к такой чувствительной сфере, как защита, в том числе судебная, прав и законных интересов юридического лица, а также его учредителей, поскольку у последних есть право на возмещение убытков, ему причиненных и др. Стало быть, вопросы процессуального характера имеют не меньшую теоретико-практическую значимость, а иногда и большую, по сравнению с материально-правовыми. В-третьих, российскому законодателю, как представляется, пока не удалось найти рациональный баланс между множеством регуляторных и охранительных правоотношений, возникающих в исследуемой сфере, что порождает потребность в дальнейших доктринальных и прикладных изысканиях.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, можно признать высокой и достаточной. В частности, на это указывает использование автором в качестве теоретической базы исследования большого количества научных трудов видных ученых, написанных по теме представленной диссертации. В библиографическом списке присутствует 392 источника, в том числе научные фундаментальные работы известных отечественных и зарубежных авторов, современные публикации в периодических изданиях.

Среди достоинств нужно отметить активное использование сравнительно-правового метода, позволившего проанализировать институт косвенного иска в цивилистическом процессуальном праве через призму англоязычного законодательства и специализированной литературы. В связи с чем, автор правильно подчеркивает, что историко-юридический феномен косвенного иска нельзя постичь без доктринального и эмпирического опыта континентальных стран и Англии, в которых имеется широкий круг нормативных, прецедентных и научных первоисточников (стр. 5 дисс.).

Достоверность и новизна научных положений, выводов и рекомендаций диссертации подтверждается апробацией, в рамках которой диссертант принял участие с докладами в различных научно-практических конференциях, среди про-

чего международного уровня; прошел заграничную научную стажировку; опубликовал 1 тематическую монографию и 17 статей общим объемом 24,35 п.л., 5 из которых изданы в рецензируемых журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ им. М.В. Ломоносова, 3 – в иностранных изданиях, что придает работе репрезентативную объективность.

Особо следует сказать о **научной новизне** проведенного Т.А. Васильевой исследования, а равно о личном вкладе автора в разработку проблемы института косвенного иска и его реализации в современном цивилистическом процессе. Конкретные элементы научной новизны работы раскрыты соискателем в восьми пунктах, которые тесно связаны друг с другом в смысловом и концептуальном плане и находят свое наиболее полное отражение в тексте самой диссертации.

В первую очередь необходимо поддержать авторский тезис о том, что возникновение и формирование косвенного иска, как самостоятельного процессуального средства защиты, происходило по двум основным направлениям: в государствах (Англия, США и др.), следующих парадигме *actio-ius*, появление косвенного иска преимущественно сопряжено с судопроизводственной деятельностью, т.е. косвенный иск – суть органичный компонент «процессуальной ткани»; тогда как адаптация косвенного иска в иных странах (Франция, Германия, Россия и др.) воплощает стандарт *ius-actio*, т.е. стала следствием развития материального акционерного законодательства. Автор справедливо пишет: «... праву стран Европы, а также российскому праву был известен материально-правовой институт ответственности органа юридического лица. Лишь позднее процессуальный порядок привлечения органа юридического лица стал осмысливаться через процедуру косвенного иска, либо парадигма *ius-actio* в части охраны и (или) защиты интереса в надлежащем исполнении органом юридического лица обязанностей по управлению получила иное воплощение – путем попытки создания процедур охранительной природы» (стр. 43 дисс.).

В этом смысле Т.А. Васильева логически развивает мысль своего научного руководителя о том, что традиционная римская формула *actio-ius* в XIX в. при ее последующей трактовке немецкими пандектистами преобразовалась в обратную – *ius-actio*. Иными словами, материальное право теперь воспринималось первичным, именно оно стало рассматриваться как отправная точка потенциала судебной защиты, инициирования возбуждения всякого гражданского дела органом правосудия; в то время как у римских юристов право на иск не сопровождалось обязательным наличием самого нарушенного или оспоренного субъективного материального права (подробнее об этом: Сахнова Т.В. Актуальные парадигмы цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2016. № 2. С. 11-26).

Действительно, в нормативных правовых актах многих странах континентальной Европы наблюдается эта инверсия, подразумевающая прямое происхождение косвенных исков из материального закона. Например, согласно корпоратив-

ному законодательству Германии миноритарии, хотя и в ограниченных пределах, но имеют право на предъявление надлежащих исковых притязаний в пользу корпорации. Здесь лишь обсуждаются проблемы легального секвестирования: каковы случаи, когда миноритарии обязаны получить согласие на предъявление косвенного иска в суд от общего собрания, а также может ли такой иск быть субсидиарным, т.е. используемым после исчерпания всего законного потенциала юридическим лицом. Очевидно, что в данном случае только носители корпоративных прав и обязанностей получают процессуальные правомочия, связанные с обращением в орган правосудия. По этому же пути идут высшие европейские континентальные судебные учреждения, наделенные интерпретационными правами (подробнее об этом: Bundesgerichtshof, Beschluss vom 12 März 2015 (V ZB 41/14) // NZG 2015, 838 и др.).

Весьма зрелыми нужно признать соображения Т.А. Васильевой относительно категории косвенная заинтересованность, под которой, по мнению автора, целесообразно понимать осознание определенным субъектом необходимости совершения процессуальных действий в интересах юридического или физического лица, которые являются участниками корпоративных отношений, что образует самостоятельное основание квалификации косвенного иска как такового (стр. 79-80 дисс. и др.). Отсюда диссертант констатирует, что косвенный иск – это требование к суду о защите субъективного гражданского права, предъявленное лицом, за которым на уровне судебного прецедента или законодательства признана возможность сформировать волю на предъявление и поддержание иска в интересах другого лица. Общее условие косвенного иска – косвенная заинтересованность (стр. 95 дисс.).

Не остался вне поля зрения соискателя момент, касающийся определения места косвенного иска в классификации исков с множественностью сторон. Соискатель приводит достаточно веские доводы в пользу общего заключения о том, что по своей правовой природе множественность сторон в групповом, представительском и классовом исках является модифицированным соучастием, но для косвенного иска подобная множественность не составляет базового признака, главное на чем здесь следует делать акцент – механизм формирования воли лица (стр. 122-123 дисс.).

Имеет важное прикладное значение авторское суждение о том, что в странах, следующих парадигме *ius-actio*, при закреплении косвенного иска в законодательстве во многом его имманентная сущность осталась не до конца выясненной. Это неизбежно сказывается на материальных и процессуальных правоотношениях: механизм прямого формирования воли юридического лица не выявлен; правила проверки косвенной заинтересованности, как условия права на обращение в суд с соответствующим иском, не установлены; процедура предварительного допуска косвенного иска не является судопроизводственной; в целом отсутствуют процес-

суальные особенности возбуждения и рассмотрения судами данных дел и др. (стр. 168-170 дисс.).

Применительно к российскому закону Т.А. Васильева небеспочвенно пишет следующее: «... действующее российское процессуальное законодательство, регламентирующее процедуру косвенного иска, не отражает сущности последнего. Адаптация косвенного иска требует усиления частноправового начала процедуры косвенного иска путем закрепления косвенной заинтересованности в качестве условия права на обращение в суд, путем предоставления выбора между процедурой прямого иска и процедурой косвенного иска, путем закрепления возможности перехода из процедуры косвенного иска в процедуру прямого иска и наоборот, а также путем закрепления процедуры "смены" предьявителя косвенного иска» (стр. 173-173 дисс.).

В диссертации содержатся и иные ценные, а равно убедительные выводы, свидетельствующие о высоком качестве проведенной работы. Однако в нем, как и в любом исследовании подобного рода, имеются отдельные положения, побуждающие к дискуссии и требующие дополнительной аргументации.

1. Диссертант в юридическом аспекте много и детально пишет о косвенной заинтересованности, но по тексту работы не дает окончательную дефиницию таковой. Можно лишь уяснить, что, по мнению автора, она дифференцируется на материальную и процессуальную и представляет собой «условие право на обращение в суд» (стр. 90 дисс.), «характеризует порядок реализации права на обращение в суд» (стр. 97 дисс.), отвечает за «механизм формирования воли» (стр. 97-98 дисс.) и пр.

Вместе с тем, для косвенных исков заинтересованность является ключевым понятием, поскольку она неоднократно употребляется в ГК РФ, ГПК РФ, Федеральных законах «Об обществах с ограниченной ответственностью», «Об акционерных обществах», Кодексе корпоративного управления, который утвержден распоряжением ФКЦБ, и во многих других правовых актах. При этом в теории права при дескрипции внутренней связи юридической заинтересованности и интереса подчеркивают, что первая категория есть психологическая форма восприятия субъектом наличествующей потребности (например, в судебной защите), тогда как вторая – это дозволенность действовать неким незапрещенным законом образом, родственная субъективному праву (подробнее об этом: Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1981).

Если это так, то в парадигме *ius-actio* выглядит все достаточно логично: участник корпорации обращается от имени корпорации в суд с косвенным иском, потому что осознает надобность прямой защиты ее прав (и латентно своих, т.е. проявляет скрытую заинтересованность); корпорация по заявленному требованию выступает в качестве истца, поскольку непосредственно обнаруживается и защищается именно ее право и интерес (т.е. воплощается формула *ubi jus, ubi remedium*

(где есть право, там есть и его защита)). Во всяком случае, из этого исходит п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ».

В обратной парадигме *actio-ius* наличие заинтересованности, трудно регулируемой технико-правовыми средствами, вполне хватает для возбуждения судебного производства; юридический интерес отходит на второй план или может вообще отсутствовать. В итоге допустимо инициирование судебной защиты *без наличествующего субъективного материального права и законного интереса*, без потребности их принудительной охраны. Быть может, по этой причине законодатель полагает нужным отчасти купировать широкие правомочия миноритариев, чтобы пресечь возможный корпоративный шантаж (*greenmail*), преследующий противоположные стремления; а Конституционный Суд РФ указывает на необходимость установления равновесия законных интересов, с одной стороны, корпораций, стремящихся к снижению своих издержек, и, с другой стороны, ее участников, чьи права затрагиваются принимаемыми решениями, связанными с управлением, имея при этом в виду, что ограничение прав преследует законную цель достижения общего для корпораций интереса, содержанием которого выступает эффективное управление (подробнее об этом: Постановление Конституционного Суда РФ № 3-П от 21 февраля 2014 г.).

2. Диссертант отстаивает однозначную позицию о том, «что участник юридического лица в процедуре косвенного иска занимает процессуальное положение представителя. Материально-правовым основанием такого представительства является норма закона (абз. 5, 6 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ, абз. 3 п. 3 ст. 6, ч. 4 ст. 32.2, абз. 1 п. 5 ст. 71, п. 6 ст. 79, абз. 1, 2 п. 1 ст. 84 ФЗ «Об акционерных обществах»)» (стр. 208 дисс. и др.).

В самом деле, сегодня официальная трактовка этих нормативных положений Верховным Судом РФ, о чем уже говорилось, предписывает органам правосудия при рассмотрении подобающих категорий гражданских споров наделять участников, членов и акционеров корпорации статусом *представителя* (даже не законного представителя), который действует от имени представляемого и в его интересах, но не процессуального истца.

Несомненно, что предопределяющим фактором здесь является все же материальное, а не процессуальное право (парадигма *ius-actio*, которую автор критикует в своей работе). Получается за таким представителем, который подает косвенный иск, не признается наличие косвенного интереса? В римском процессе эта проблема решалась за счет *actio Pauliana*, послужившего основой трех разновидностей косвенного иска, допускавшего право законного представителя действовать как в своих, так и в чужих интересах. Отсюда во Французском гражданском законодательстве давно зафиксировано: кредитор, как законный представитель, уполномочен осуществлять иски своего должника от его имени, «если он (кредитор) от это-

го ожидает известной выгоды, иначе иск должен быть отклонен». Аналогичное наблюдается в нормативных актах Германии (подробнее об этом: Пляниоль М. Курс французского гражданского права. Ч. I. Вып. I. М., 1911; Шапп Ян. Система германского гражданского права. М., 2006).

Кроме того, возникает еще ряд существенных вопросов. В частности, в силу абз. 5, 6 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ разные участники юридического лица вправе оспаривать, действуя от имени корпорации, совершенные ею сделки по основаниям, предусмотренным ст. 174 ГК РФ, и требовать среди прочего применения последствий недействительности ничтожных сделок корпорации. На основании ст. 166 ГК РФ требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки может предъявить *сторона сделки*, а в предусмотренных законом случаях также *иное лицо*. При этом в п. 78 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» разъясняется, что в исковом заявлении иного лица должно быть указано право (законный интерес), защита которого будет обеспечена в результате возврата каждой из сторон всего полученного по сделке.

Как следствие, п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм ГК РФ об исковой давности» предписывает исчислять течение срока исковой давности, когда *лицо, обладающее правом самостоятельно или совместно с иными лицами действовать от имени юридического лица, узнало или должно было узнать о нарушении права* и о том, кто является надлежащим ответчиком.

Это означает, что в описанных случаях так называемый «представитель» обладает как косвенным, так и прямым законным интересом, а процессуальный статус лиц, участвующих в деле, значительно усложняется (*к примеру, участник юридического лица заявляет косвенный иск о признании сделки недействительной как его представитель, а само это лицо становится ответчиком по иску*), поскольку допустимы разновекторные гражданско-правовые взаимоотношения между корпорацией и ее субъектами.

Изложенное достаточно хорошо и широко известно в отечественной правоприменительной судебной практике. Так, Верховный Суд РФ в определении от 26 августа 2016 г. по делу № 305-ЭС16-3884 специально подчеркнул: «... участник корпорации, предъявляя соответствующие требования, действует не только в интересах корпорации как ее представитель, но и преследует свой опосредованный (косвенный) интерес (*а поэтому, по сути, является косвенным истцом* (курсив мой – С.А.))... Объект защиты по косвенному иску не может определяться как категоричный выбор либо в пользу защиты субъективного права юридического лица, либо в пользу защиты интересов участников юридического лица.

Интерес юридического лица... произведен от интересов его участников (курсив мой – С.А.), т.к. интересы общества не просто неразрывно связаны с инте-

ресами участников, они предопределяются ими, и, следовательно, удовлетворение интересов компании обеспечивает удовлетворение интереса ее участников» (подробнее об этом: <http://kad.arbitr.ru/Kad/Card?number=%D0%9041-8876%2F2015>).

3. Думается, автору надлежало уделить бóльшее внимание проблеме, связанной с реализацией заинтересованными субъектами цивилистического процесса по косвенному иску предоставленных им диспозитивных правомочий, в особенности в свете ст. 65.2 ГК РФ. В диссертации лишь отмечается, что «... участник юридического лица *как законный представитель* (курсив мой – С.А.) имеет не только общие процессуальные права и обязанности, но и может своими действиями осуществлять права и обязанности распорядительного характера. *Указанные положения, как нам представляется, имел в виду законодатель, закрепив в ч. 1 ст.225.8 АПК РФ*» (курсив мой – С.А.) (стр. 209 дисс.).

Между тем, в авторском заключении есть противоречие, коль скоро в ч. 1 ст. 225.8 АПК РФ законодатель устанавливает несколько иное: участник юридического лица, предъявивший косвенный иск, в том числе о возмещении причиненных убытков, *пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности истца*, т.е. выступает процессуальным истцом, а не законным представителем. Полагаем по этой причине п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» аккуратно формулирует, что корпорация и присоединившиеся к иску участники не имеют права без согласия субъекта, предъявившего косвенный иск, полностью или частично отказаться от иска, изменить его основание или предмет, заключить мировое соглашение или сделку по фактическим обстоятельствам. Обратившийся в суд с требованием субъект корпорации в случае присоединения к иску иных участников также не имеет права совершать означенные действия без их одобрения. Все прочие, возражающие против заявленного иска, могут интегрироваться в процесс на стороне ответчика в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований.

Иными словами, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ фактически речь идет о присоединении соистцов к косвенному истцу, а все остальные – не присоединившиеся – отнюдь не становятся законными представителями ответчика, ведь постановленное судом решение может затронуть их права и законные интересы.

Однако, по сути, дело даже не в этом. Как показал изложенный выше конкретный практический пример, толкование *ex officio*, исходящее от высшего судебного органа страны, не исчерпывающим образом очерчивает ситуацию с реализацией диспозитивных правомочий, в частности, когда юридическое лицо становится по косвенному иску его участника не истцом, но ответчиком по требованию о признании сделки недействительной. В этой связи хотелось бы знать мнение диссертанта по данному процессуальному вопросу.

Сделанные замечания носят частный характер, они не влияют на общую положительную оценку научного исследования, которое обладает новизной, внутренним единством и завершенностью, а также теоретической и практической значимостью.

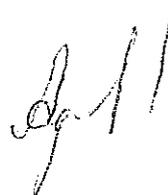
Заключение о соответствии диссертации критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней

Диссертация Т.А. Васильевой на тему «Косвенный иск в гражданском процессе: сравнительно-правовое исследование» отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова к работам подобного рода.

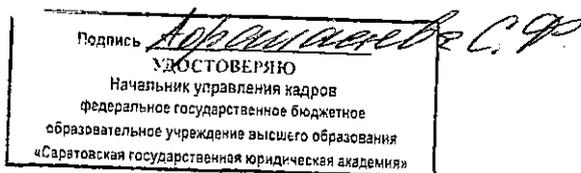
Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 12.00.15 – «гражданский процесс; арбитражный процесс» (по юридическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, она оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель – Васильева Татьяна Андреевна – заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.15 – «гражданский процесс; арбитражный процесс».

Официальный оппонент:
заведующий кафедрой арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,
доктор юридических наук, профессор

Афанасьев С.Ф.

Контактные данные:

Тел.:

e-mail: _____

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
12.00.15 – «гражданский процесс; арбитражный процесс»

Адрес места работы:

410056, г. Саратов, Саратовская область, ул. Вольская, дом 1

<http://www.ssla.ru/>

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,

Тел.: 8-8452-29-90-37

e-mail: k_arb@ssla.ru, k_arb2@ssla.ru